

УДК 792.8; 929; 94 (47)

М. Х. Франгопуло

В ДНИ ВОЙНЫ¹

30 июня и 1 июля 1943 года состоялся очередной выпускной спектакль Ленинградского хореографического училища.

В балетную труппу Кировского театра были зачислены недавние выпускники Певзнер И. Д., Мокеева В. Е., Богданова Т. А., Ларионова В. Д., Макаров А. А., Бельский И. Д.

Семен Розенфельдт в своей статье «Академия танца» писал в «Звезде»: «Дело сейчас не в именах, не в точной оценке степени дарования и академической законченности, не в отзыве о том или ином исполнении. Ценность этого выпускного спектакля, как и зимнего — отчетно-показательного, в том, что он лишний раз показал, что все высокие достоинства этого замечательного училища в его превосходных учебных традициях. Они сохранились в полной мере и в условиях войны и эвакуации, сохранились и выросли прекрасные педагогические кадры, которые продолжают свое дело как всегда энергично и любовно».

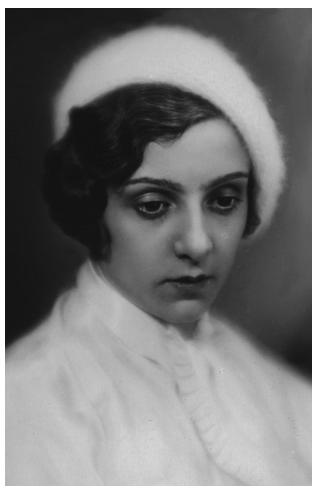
В далекой Курье на Каме, где находилось хореографическое училище (его младшие классы), открытие пионерского лагеря. Знойный летний день. Пахнет сосной и тянет на воздух из маленьких душных комнат дачи. С восьми часов утра в школе необычайное волнение. Из Перми на праздник прибыл директор Е. М. Радин, педагоги А. В. Лопухов, певец Н. Н. Середя и многие другие. 12 часов. Наступает торжественный момент. По сигналу пионервожатого Б. В. Соловьева перед гостями, разместившимися на особой трибуне и балконах дачи, живая ватага ребятишек неожиданно появляется из-под крутого берега. Эффект неожиданный! Пионеры в красных галстуках, с раскрасневшимися лицами выстраиваются, войдя в калитку дачи, в стройную линейку. Сегодня ни капли хореографии, все посвящено физкультуре. Каждый отряд линейки рапортует. Момент необычайно торжественный именно здесь, на воздухе, на фоне деревьев, голубого сегодня жаркого неба, на фоне спокойной, немного ленивой Камы. После окончания линейки начинаются выступления. Е. М. Радин, как всегда, тепло напоминает детям о том, что хореографическая школа всегда играла большую роль в жизни балетного и оперного театра, что все балетмейстеры вышли из стен училища. Они пользовались работой детей. А потому учиться, учиться, учиться! — заканчивает Радин.

А из Ленинграда писали: «Дорогая! Сегодняшний день для меня большой, незабываемый день. Грядущие бои, решающие бои они не за горами и скоро, скоро наступит день, когда мы снова будем вместе. Я верю в то, что 1 мая 1944 года мы с тобой будем на демонстрации. Мы будем проходить по Невскому проспекту

¹ Окончание. Начало см. в № 38–39 «Вестника Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой». Материал подготовлен к печати Е. Р. Адаменко.

Мунгалова О. П. 1930-е гг.
Архив АРБ имени
А. Я. Вагановой.

Дудинская Н. М. 1930-е гг.
Архив АРБ имени
А. Я. Вагановой.

Войшнис Л. И. 1950-е гг.
Архив АРБ имени
А. Я. Вагановой.

мимо трибуны на площади Урицкого. Сегодня в нашем большом, двухсветном зале мы сдавали очередную работу Реперткому при комитете по делам искусств (речь идет о репетиционном зале балетной труппы на улице Росси). Балет “Конек-Горбунок” возобновлен О. Г. Иордан и мною. Принята работа Реперткомом более, чем на хорошо. Это моя первая большая серьезная работа в театре. Хотелось несколько иначе разрешить сюжетную часть, но нас всего навсего четверо мужчин. Очень большие успехи сделали Надежда Красношеева, Галина Алексеева. Царь-девица Иордан, Красношеева, Иванушка — Орлов, Томсон, Иван-Царевич — Гербек, Хан — Томсон, Шехматов, жена Хана — Шмырова, Красношеева, Гемпель, Алексеева, Сахновская. Уральский танец исполняют в очередь Никольская и Шехматов, Иванов, Васильев и четыре девушки, украинский танец — Шмырова, Васильев, Пигарева и Шехматов. В последней же картине мною поставлена русская пляска — шесть девушек и один парень. Кроме того, вместо Рапсодии Листа и русской пляски, исполнявшейся Царь-девицей, в моей экспозиции имеется большое классическое па: Царь-девица, Иван-Царевич, две боярышни. Конец спектакля — общий радостный танец. Декорации по эскизам С. А. Евсеева, костюмы — Р. И. Гурова. Спектакль в трех действиях и 5 картинах. Прием комитетом этого спектакля происходил под грохот разрывов снарядов. Эти проклятые фашистские собаки не унимаются и стреляют по городу. А город наш славный, любимый, работает и творит, не взирая на грызню оскаленных зверей, сидящих у его стен и изрыгающих из него металл. Но теперь недолгой будет наша разлука, все сильнее и сильнее всходит яркая заря победы над мрачной коричневой ночью. Грохот орудий уже слышен с Апеннинского полуострова. Расплата приближается. Час возмездия близок! Бодрее смотри вперед! Привет товарищам, целую крепко — Володя». (Письмо В. Э. Томсона).

А ныне наша страна переживала необыкновенные дни: это было первое лето, когда немцы ослабели настолько, что не только не могли наступать, но были не в силах сдерживать наступление наших войск, которые гнали врага все дальше и дальше.

5 августа 1943 года. Москва салютовала доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород.

После подобных сообщений все ждут теперь освобождения Брянска и Харькова, а там..., там будет освобождена и Украина.

А работа в театре кипела по-прежнему. Театр был прекрасно отремонтирован: все блестело чистотой. В небольшой, но чистой комнатухе, именуемой художественной мастерской, художник Татьяна Бруни делает эскизы декораций и костюмов для предстоящей «Спящей красавицы». Опера готовит новые декорации для «Русалки». Художник Е. Кршижановский.

Погода стоит все еще теплая и только у Камы прохладно. В одном из номеров «семиэтажки» С. С. Прокофьев сочиняет свою «Золушку». Из Свердловска возвратилась Н. А. Анисимова, поставившая в Театре имени А. В. Луначарского балет А. Хачатуряна «Гаянэ». Премьера его прошла с большим успехом.

А настроение в театре было необычайно приподнятое. Каждое сообщение Информбюро придавало новые и новые силы в работе. Казалось, не хватает сил дожидаться того дня, когда враг будет окончательно сломлен и длинный эшелон совершит свой обратный путь к Ленинграду. В эти дни невозможно было быть аполитичным. Вся советская общественность участвовала в политической жизни страны.

6 августа 1943 года, Пермь. Ленинградский театр Кирова — Радину. «Охвачены волнующими чувствами, шлем горячий привет вам всему коллективу из родного

Бочаров А. И. 1930-е гг.
Архив АРБ имени
А. Я. Вагановой.

Пушкин А. И. 1940-е гг.
Архив АРБ имени
А. Я. Вагановой.

Ширипина Е. В. 1930-е гг.
Архив АРБ имени
А. Я. Вагановой.

Ленинграда. Наши выступления Филармонии 11 августа сердечно признательны за Ваше внимание. Дудинская, Балабина, Сергеев».

Все полны мыслями об окончании войны.

Одним из любимых спектаклей зрителя стала за последнее время старенькая «Тщетная предосторожность» — комедия положений и характеров, еще с 18 века любимая зрителями всех стран и времен как талантливое произведение, полное остроумных режиссерских находок. Хорош был в роли Колена простодушный, искренний Н. А. Зубковский в паре с Т. М. Вечесловой.

14 августа в театре состоялся концерт-спектакль для рабочих Кировского завода, награжденных правительственными наградами.

18 августа из Москвы прибыл в Пермь балетмейстер Леонид Якобсон.

31 августа в театре было заслушано либретто Н. Д. Волкова к балету «Золушка», композитор С. С. Прокофьев, постановщик К. М. Сергеев, художник М. Эрдман.

6 сентября. В творческом клубе театра. На дверях клуба плакат: «К. М. Сергеев поделится своими впечатлениями о Ленинграде».

«Наш первый концерт был 9 августа, в понедельник.

Урывками мы осматривали город.

На репетиции мы впервые испытали “репетицию” обстрела: он начался во время номера.

Все было необыкновенно: переполненный зал, тревога, бурные аплодисменты при появлении артистов. В зале замахали платочками, это уже не было успехом, к которому мы привыкли, это было нечто большее... Зрителям, быть может, казалось, что вернулся весь театр, а не лишь небольшая группа артистов.

За кулисы к нам пришла О. Г. Иордан, очень похудевшая Н. П. Сахновская и Р. И. Гербек — артисты Кировского балета, оставшиеся в Ленинграде. “Мы думали, что классика умерла”, — говорили они. Встреча была необычайно дружественная.

Побывали мы и внутри Кировского театра. Сцена цела. Вошли на нее и захотелось перекреститься: святая святых. А вот правую часть театра, где помещалась дирекция, культ. часть, разорвало взрывом снаряда, как и кресла в зрительном зале. Но театр поправить можно и его уже поправляли.

Хореографическая школа цела и работает с тремя педагогами: В. С. Костровицкой, Л. И. Ярмолевич, А. П. Бажаевой. В школе состоялся новый прием. Это дети-сироты, оставшиеся, в своем большинстве, без родителей. Мы прошли по классам. Здесь было тихо-тихо. Учеников, как и педагогов, было мало, а в маленьких музыкальных классах жили представители некоторых театров. В этих “сельюшках” можно было сравнительно легко согреться от ледяного холода. Мы поняли, что возвращаться в Ленинград было еще рано. Но твердо верили в то, что как бы немец не издевался над городом, все равно рано или поздно его отбросят навсегда».

Долго еще отвечает Сергеев на многочисленные вопросы товарищей.

28 ноября театр снова показал «Жизель» с Улановой и Бакановым в главных ролях. Во втором акте в момент подъема Бакановым Улановой вверх на вытянутых руках в зале раздался шепот. Уланова, услышав его (по ее признанию) подумала,

не случилось ли что-нибудь с ее костюмом или на сцене. Но она ошиблась. Это был шепот восторга. Геркулес Баканов точно хотел, чтобы Уланова поцеловала одну из звезд на вечернем небе, такую же чистую, как и она сама. Высоко взлетала она в его сильных руках, невесомая, воздушная, как дымка.

После «Жизели» состоялась ночная репетиция «Тщетной предосторожности». В этом балете впервые выступили: Балабина, Сергеев, Гнутый. Репетиция оказалась весьма тяжелой, в особенности для оркестра, который утром провел серьезную репетицию «Ночи» с Пазовским, днем сыграл «Жизель» и остался на «Тщетную». В оркестре ворчали: «третий сеанс даем».

Балабина и Сергеев постарались сделать танцы старенькой «Тщетной» технически трудными и насытить их всякими новинками. Сергеев танцевал вариацию во втором акте всю на больших прыжках и пируэтах. Время, быть может, диктовало новую редакцию старых балетов? Вставка в «Тщетную» новой музыки вызвала справедливое замечание зав. оркестром Горелика: «А что если бы в Глинку взять да вставить Россини?»

Слухи и вести о Ленинграде, обстрелы которого участились за последнее время, угнетают до бесконечности. Пишут, что поврежден Исаакий... Неужели бессмертное творение Монферрана погибнет от рук варваров?

10 января все были встревожены обмороком Улановой. Артистку нашли без чувств в телефонной будке общежития на улице Кирова, 65. Разговор Улановой

Г. Уланова (Одетта), К. Сергеев (Зигфрид). 1930-е гг. Архив АРБ имени А. Я. Вагановой.

с супругом из Москвы остался неоконченным. «Я слышала где-то далеко, далеко голос — Галюша, Галюша, — вспоминала Уланова, — но точно погрузилась в бездну, провалилась и больше ничего не помню...» Галина Сергеевна переутомлена до крайности: волнения в «Жизели» и «Лебедином озере» за себя и за своего нового партнера Баканова дали себя знать. Хрупкий организм Улановой надломился. Пока Уланову донесли до четвертого этажа ее комнаты, она не приходила в себя. Наконец, ее удалось привести в чувство и уложить в постель на несколько дней, пока здоровье не побороло причин обморока, и артистка смогла отбыть в Москву.

Итоги творческого 1943 года в театре: «Лебединое озеро» (возобновлено), «Седьмая симфония» Шостаковича (новая работа театра), «Князь Игорь» (возобновление), «Дон-Кихот» (возобновление), первомайский концерт (заново поставлен), «Русалка» (возобновление), «Дубровский» (заново поставлен), «Тщетная предосторожность» (частично возобновлена и частично поставлена заново), «Евгений Онегин» (возобновление), «Спящая красавица» (возобновление), «Ночь перед Рождеством» (заново поставленный спектакль).

Количество шефских концертов за 1943 год — 600.

Тесным кольцом артисты окружили приехавшего Л. М. Лавровского и Е. Г. Чикваидзе, вернувшихся в театр. Встреча эта не была организована заранее и специально, нет, встречали как родного. «Армения, Ереван... — говорит Леонид

На уроке классического танца в ЛГХУ. Кон. 1930-х гг. В 1-м ряду крайняя слева Нинель Кургапкина, крайняя справа Людмила Сафронова. Архив АРБ имени А.Я. Вагановой.

Михайлович, — вспоминаю многое. Отношение ко мне, русскому, было очень хорошее. Начал я там постановку балета на тему поэзии Давида Сосунского. Увлёкся работой, но приехав в Москву и встретившись там с П. Гусевым и А. Лопуховым, вдруг почувствовал, как меня безумно потянуло в родной театр, и я понял, что должен ехать». От слов Лавровского веет искренностью и простотой. Лавровский дорог театру не только как постановщик «Ромео и Джульетты», но и как отличный репетитор. Одним двумя штрихами Лавровский корректирует ту или иную постановку. Прекрасно чувствует особенности музыкальных звучаний. Возвращение в театр Елены Георгиевны Чикваидзе, одаренной солистки классического танца, было также очень ценным и радостным для театра. Кроме классики Чикваидзе хорошо владела грузинским фольклором и исполняла народные танцы в их художественной манере. Новый 1944 год радостно начался для балета. Труппа снова обрела своего художественного руководителя. В. И. Пономарев был назначен заместителем Лавровского.

В первых числах января театр встречал московскую гостью балерину Марину Тимофеевну Семенову. Семенова — одна из славных учениц А. Я. Вагановой, окончившая Ленинградское хореографическое училище в 1925 году. Через четыре года, приглашенная в Большой театр, Семенова рассталась с Ленинградом. И вот Семенова, увенчанная лаврами после 18-летнего пребывания на сцене, появилась в дни войны среди нас на Каме. Семенова исполнила в Перми «Лебединое озеро» и «Дон-Кихота». Ее ожидали с большим волнением. Совсем недавно в газете «Литература и искусство» Алексей Толстой восторженно писал о творчестве Семеновой. Тем более возрастал интерес к ней. Артистке 36 лет. После длительного пребывания на сцене Семенова со своей непосредственностью и темпераментом была более интересной в «Дон-Кихоте». Здесь можно было быть «земной». Здесь ее талант был «по-семеновски» широким и блестящим. Да и фигура Семеновой по-прежнему была по-женски хороша и пластична. Семенову в Перми принимали прекрасно. Раскланиваясь перед публикой, Семенова подошла к ложе, в которой сидела ее профессор и друг А. Я. Ваганова и низко поклонилась ей. «Здесь, в маленьком театре, это не трудно было сделать, а вот поди разыщи Агриппину Яковлевну в Большом театре. А я все же нахожу, даже если она сидит дальше первого ряда», — смеясь, говорила за кулисами Семенова. В обоих выступлениях Семеновой ее партнером был К. М. Сергеев.

Еще в декабре минувшего года балетмейстер Л. В. Якобсон приступил к подготовке экзаменационного спектакля училища, который обычно бывает весной или ранним летом. Якобсон ставил «Ромео и Джульетту» на музыку симфонической картины П. И. Чайковского. В партии Ромео и Джульетты выступают Всеволод Ухов и Нинель Петрова. Роль Тибальда и Меркуцио исполняют Юрий Дружинин и Мансур Камалетдинов.

28 января балетная труппа собралась в репетиционном зале на доклад Л. М. Лавровского. Перед началом собрания артист балета Р. В. Славянинов объявил о регистрации паспортов и поднялось волнение... Ленинград, едем, Ленинград. Вошедшего Лавровского встретили дружными аплодисментами. «Мы должны пересмотреть то, что мы здесь сделали. Труд нашего театра, как я уже

сказал ранее, расценивался с точки зрения политики, а не с точки зрения художественности.

Тем более мы должны интенсивно приняться за работу. В Ленинграде мы откроемся тремя спектаклями в балете: «Лебединым озером», «Лауренсией» и «Ромео и Джульеттой». В опере это будет «Иван Сусанин», «Чародейка» и «Емельян Пугачев». Говоря о «Гаянэ», считаю, что в том виде, в каком этот спектакль шел здесь, в Ленинграде его показывать нельзя. Нужно переменить художника, в некоторых деталях подтянуть сюжет, переработать сценическую интерпретацию спектакля и лишь тогда показывать его. Желательно возобновление фокинского репертуара, но сейчас, волею судеб, мы принуждены отскочить назад и возобновить старые балеты. На днях мы заслушаем экспозицию «Золушки» постановщика балета Константина Михайловича Сергеева.

Какое у меня создалось впечатление от просмотренных мною спектаклей? Неровное. Нет органичной дисциплины исполнения ансамблевого танца. Все это заставляет желать лучшего. Утрачено чувство стиля, танцевальной манеры, танцевальной изобразительности. Лебеди, вилисы, тени исполняются одинаково. А ведь это все различно. Мы подчас стоим на сцене вне образа, буднично. А ведь кому много дано, с того многое и спрашивается. В школе нас учат прекрасные педагоги, в труппе вдобавок репетируют с нами, а мы все умудряемся быть неполноценными. Вина в нас самих. Все мы понимаем серьезность и ответственность, с которыми мы предстанем перед ленинградцами. На нас будут смотреть глазами 1944 года, там ведь люди тоже выросли и требовать от нас будут многого».

Лавровский постепенно знакомился с репертуаром, ежедневно посещал театр, высказывая свое мнение по поводу того или иного оперного и балетного спектакля. Беседовал с артистками, посещал классы хореографического училища.

Балетная труппа начала работать над «Спящей красавицей». А. Шелест в роли Авроры должна была выступить с Бакановым — Дезире. Баканов только что вернулся из Москвы, где танцевал в концертах с Улановой. Народ приезжал и уезжал. Театр точно жил на колесах. Но ехать сейчас хотелось лишь в одном направлении.

Наконец, 3 февраля 1944 года балетная труппа заслушала читку экспозиции балета «Золушка» С. Прокофьева. «Сказка о Золушке существует у всех народов, — начинает постановщик, заметно волнуясь. — Мне удалось установить, что существует 375 вариантов этой сказки. В ней живет вечная тема: перерождение человека под влиянием чувства любви, которая выше предрассудков. Вариант, который дан в либретто Н. Д. Волкова — встреча большой любви, встреча двух родственных душ — Золушки и Принца. Золушка — это чистота. В ней вся прелесть женственности, обаяния, скромности».

Через два дня после прочтения «Золушки» Сергеев приступил к работе.

10 февраля в театр пришла телеграмма из Новосибирска, филармонии о безвременной кончине Ивана Ивановича Соллертинского. Эта страшная весть ошеломила всех: огромный эрудит в области искусства, человек, обладавший гениальной памятью, превосходный по своему блеску и глубине оратор, Соллертинский был всегда тесно связан с театром и филармонией. Он собственно вырос, созрел

вместе с послереволюционным поколением. Он умел всем сердцем любить искусство, бескорыстно во имя самого искусства отодвигал себя на задний план. Соллертинскому было всего 40–41 год от роду, когда смерть пришла за ним. На лекции К. Н. Державина «Памяти Соллертинского» лектор предложил собравшимся почтить память Ивана Ивановича Соллертинского вставанием.

Из Ленинграда приходили письма, в которых писали: «Теперь у нас можно ходить по улицам, а не бежать...»

16 февраля пошла первая красная стрела Ленинград–Москва.

Балет возобновлял «Спящую красавицу» с А. Шелест и В. Бакановым. Профессор С. С. Данилов радостно сообщил, что его фундаментальный труд «История русского драматического театра» печатается в Перми. Б. В. Асафьеву театр поручил написать работу о Римском-Корсакове к 100-летию со дня его рождения.

18-го в хореографическом училище состоялся просмотр отдельных кусков из балета Якобсона «Ромео и Джульетта» на музыку П. И. Чайковского. В особенности понравилась ученица Нинель Петрова, оканчивающая школу.

1 марта в помещении нового дома Красной Армии состоялся творческий вечер Нины Александровны Анисимовой. Сделать свой вечер в тяжелых условиях нехватки материалов, питания — большая заслуга кипучей, темпераментной Анисимовой. Ведь кроме исполнительской и постановочной работы Анисимова была и оригинальным художником. Люди встречали ее в холодные мартовские дни в снежную пору с огромным узлом в руках в виде подушки, она несла плотно завернутую от непогоды куклу-негритенка для своего нового номера «Кек-уока» на музыку К. Дебюсси. Так ей приходилось делать длинные переходы, почти что через весь город из общежития на улицу Кирова до дома Красной Армии. Необыкновенная сила, сколько энергии было в этой худенькой нервной женщине!

19 марта 1944 года в Ленинград отправилась — улетела «первая ласточка» — два вагона (теплушки) с 117 ящиками, наполненными неходовыми костюмами, красками и рядом материалов, которые уже не будут больше нужны театру в Перми.

А в Перми на «Жизели» с Улановой становилось страшно, что обвалится балкон и галерея, сколько народу пришло посмотреть последний спектакль с Улановой. Люди стояли в проходах, чего раньше никогда не разрешалось, и точно хотели навсегда запечатлеть облик большой артистки, с которой вскоре расставались.

Последние дни в Перми пролетели незаметно.

29 мая 1944 года должен был отбыть в Ленинград первый поезд. Поезд отходил в 10 часов.

А вот уже и последняя ночь перед Ленинградом. Уснуть было невозможно... Сердце сжималось, как перед чем-то решающим и важным.

«Граждане, через час будем в Ленинграде», — просто сказала проводница, и вдруг все показалось каким-то простым и возможным. Мы подъехали к дому... Путь был окончен.